

даниях, в это время им пережитых, нужно искать объяснения того, как из жизнерадостного студента и магистра, гордого и упорного юноши выработался тот, большую частью, пасмурный, сосредоточенный в себе человек, лишь изредка позволявший себе остроумную насмешку или искренне веселый громкий смех, каким он рисуется в воспоминаниях лиц, знавших его в сороковых годах (Н.П. Вагнер, П. Коринфский и др.).

Но горячая природа менялась не сразу, и не могла иногда не прорываться: этим объясняются дошедшие до нас факты из деятельности Лобачевского, как председателя строительного комитета, которые будут рассказаны нами дальше. Этим объясняется возникшее в 1823 г. дело о "неблагопристойностях и противностях", оказанных Лобачевским при избрании секретаря Совета, объясняемое, вероятно, негодованием Лобачевского на раболепство товарищей, и то дело о "происшествии 12 октября 1825 г.", которое могло иметь для Лобачевского крайне печальный исход.

Понятно, что Лобачевский должен был искать успокоения от жалкого и постыдного зрелища, которое представлял собою в эти годы Казанский университет, от тех непрестанных сделок, которым подвергались его совесть и его образ мыслей в атмосфере ханжества и сервилизма^{1*}. Он находил это успокоение в неутомимой деятельности, в ученых трудах и исследованиях, в преподавательской работе, наконец, в административной и хозяйственной деятельности на пользу родному университету. И действительно эти годы были годами большого и разнообразного труда.

Как мы увидим далее, во второй части нашей работы, именно годы от 1817 до 1826 были временем выработки геометрической системы, обессмертившей его имя. В тиши своего кабинета Лобачевский обдумывал те идеи, которые, по словам Пуанкаре, были революциою в области геометрии.

Но хотя революция в геометрии даже для проницательного Магницкого не имела ни малейшей связи с принципами Французской революции, тем не менее, думается не случайно, что уже через месяц после 12 января 1826 г., когда в Петербурге был подписан указ о ревизии деятельности Магницкого, Лобачевский 12 февраля 1826 г сообщил своим товарищам мысли, до тех пор таившиеся в тиши его кабинета.

Неутомима и разнообразна была его педагогическая деятельность в университете за это время.

В том же самом историческом заседании Совета 20 августа 1819 г., в котором было сообщено предписание попечителя об увольнении девяти профессоров, Совет выслушал и предложение о поручении проф. Никольскому (профессору прикладной математики) кафедры профессора Лобачевского, которому вместе с сем предлагалось читать лекции по двум кафедрам: по кафедре физики и кафедре астрономии. После отъезда Броннера из Казани кафедра физики не была никем замещена; физику читал магистр Кайсаров, который и назначался теперь "приспешником" Лобачевского. Что касается до кафедры астрономии, то преподавание

^{1*}Подобострастия.